110 лет со дня рождения А. М. Горького

УРОКИ ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА

Н. ГЕЙ, доктор филологических наук

«ВСЯКОЕ ДЕЛО ЧЕЛОВЕКОМ СТАВИТСЯ, ЧЕЛОВЕКОМ СЛАВИТСЯ»

ПРИВЕДЕННЫЕ в заглавии слова — эпиграф, поставленный М. Горьким к циклу «Рассказы о героях». Они созвучны гуманистической направленности творчества писателя и могли бы быть своеобразным эпиграфом к большинству его произведений, выражением их пафоса. Более того — в них, безусловно, ощутима сквозная проблематика нового времени, в которое писались «Рассказы о героях» — времени его путешествия по стране, по местам, исхоженным до революции и теперь на глазах преобразующимся до неузнаваемости.

Но в эпиграфе и несомненная преемственность четко сформулированной горьковской позиции, высказанной много лет назад в реплике одного его персонажа: все — в человеке, все для человека — словах, близких самому писателю, о чем он постоянно писал и говорил.

Так, на протяжении всего творческого пути Горького ясно прочерчена сквозная линия, «главная мысль», как говорил Толстой, характеризуя направленность своих произведений. «Главная мысль» творчества Горького во многом оказалась и главной мыслью литературы социалистического реализма. Она прошла проверку в глубокой внутренней полемике с тенденциями стихийности и безликости в изображении народных масс, с нарочитым противопоставлением общего дела и личной жизни человека, с распространенным мнением, согласно которому памятники на земле отныне следует ставить не великим людям, а событиям.

Поистине грандиозна, необозрима созданная Горьким галерея лиц, характеров, судеб, подчас спрессованных в небольшой роман о трех поколениях, подчас рассыпанных щедро по страницам четырехтомной хроники-эпопеи, подчас эскизно схваченных в отдельной зарисовке. В романах и повестях, очерках и рассказах, в дневниковых записях, заметках и письмах — люди, люди, люди, взятые из жизни какой-то особенно существенной стороной, рассказом о себе, неповторимым чудачеством, одним поступком, а то и словом, жестом. Населенность горьковского мира поразительна. И тем не менее писатель искренне сожалел, что ему не пришлось написать большой книги, «в которой была бы подробно изображена жизнь десяти тысяч русских людей».

Но заветная мечта художника, хотя и не в той мере, как ему хотелось, нашла все-таки свое осуществление в его титаническом труде по «собиранию» человека, всего лучшего в нем, во всем многообразии, сложности и противоречивости русского национального характера. Подвиг писателя, пожалуй, до сих пор не оценен, не осмыслен достаточно полно и перспективно для сегодняшнего литературного развития.

С удивительным пристрастием, мудро, терпеливо, с пристальным и постоянным вниманием подходит Горький к людям и учит этому читателя. На небольшом повествовательном пространстве умел он через наносное, случайное, пошлое, будничное в человеке проникнуть к подлинному, ценному, значимому.

Итак, найти в каждом талант, может быть, незнаемый самим обладателем этого таланта, неизвестный окружающим, и сохранить это драгоценное качество человеческому в его историческом, революционном развитии.

И на страницах горьковских набросков и заметок, сохраняющих самостоятельное художественное и даже самостоятельное жанровое значение, появляется, например, фигура садовника, упорно и невозмутимо работавшего на куртинах и клумбах Александровского сада в бурные революционные дни: «Наблюдая за ним, я жду, когда он поднимет голову, чтоб посмотреть на людей, бегущих мимо него, на грузовики, сверкающие штыками. Но, согнувшись, он упрямо работает, точно крот, и, кажется, так же слеп».

Писатель не приемлет обособленность, слепоту человека к происходящему, но он продолжал за ним наблюдать на протяжении ряда месяцев и фиксировать свои наблюдения, пока не разглядел в нем главное: «ни землетрясение, ни всемирный потоп не могли бы помешать этому человеку делать его дело». Этим удивительным отношением к делу, любовью к работе случайно встреченный Горьким человек произвел на него, по воспоминаниям Е. П. Пешковой, глубокое впечатление. И писатель, под стать наблюдаемому им персонажу, в бурные дни исторических потрясений, занятый потоком других дел, наблюдает этого человека и создает свой очерк-зарисовку. Но для Горького, для его творчества главное не увидеть, схватить, а рассмотреть, вглядеться и в этом вглядывании найти в сокровенных потенциях человека существенное в нем.

И процесс горьковского вглядывания, отыскивания в человеке подлинного оказывается целенаправленным художественным исследованием характера во всех его проявлениях, с отбором истинного и нужного в нем для того, чтобы на земле установилась «сказочно интересная жизнь». Отыскание в человеке истинного без ложной идеализации руководит писателем, о чем бы он ни писал. Среди литературных портретов, написанных Горьким, особое место занимает очерк о Л. Н. Толстом, живо и динамично рисующий противоречивую, сложную, трудную личность великого писателя. С удивительной полнотой, богатством жизненного содержания и наблюдательностью в нем раскрыт горьковский идеал «человека человечества», связи людей: «не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!».

Связь людей, прямое, активное отношение того, что есть в человеке, к другим зафиксировано в самой поэтике и стиле Горького, в его рассказывании об увиденном, в образе рассказчика — «проходящего», активно способствующего своим вглядыванием и своим рассказыванием об увиденном открыть в человеке, где и когда в нем «проснулся человек». Выслеживание этой истины и лежит в основе повествования, горьковского рассказывания о людях, которое, так же как и процесс вглядывания, являясь его продолжением, способствует — в самом акте говорения, подыскания нужных определений и слов — схватыванию, умению запечатлеть, выразить для себя и для других сокровенно-ценное в человеке. В рассказывании продолжается осмысление человека, о котором идет речь.

И даже в тех горьковских произведениях, где, казалось бы, дано объективное развертывание повествования, все равно присутствует авторская интонация, авторское слово, пусть внешне почти и не выявленное, но образующее многоголосую систему. Рассказывание Алеши Пешкова о себе в автобиографической трилогии М. Горького — сложная система самораскрытия человека и открытия в нем и для себя, и для читателя существенного, интересного, ценного, активное утверждение подлинных ценностей в преобразовании жизни.

Диапазон художественной панорамы народной жизни огромен: от «непрерывно растущего» человека до «распадения личности», от драгоценных портретов «В. И. Ленина», «Леонида Красина», «А. А. Блока», «Сергея Есенина» и многих-многих реальных людей, исторических личностей до серого существования «пустых душ».

И отсюда праздничность в стиле, сказочность, пестрота, песенность, сильное, полновесное слово, найденное для сильной, смелой мысли, часто народные и фольклорные элементы, сказ, сказывание, подключение голосов умельцев, странников, умудренных жизнью, чудаков, крупицы самородного и яркого в душах людей. А с другой стороны — регистр повествования о «ненужных» людях, серости, бессмысленности, подлости их существования, эгоистической самости, порождающих абсурдность, хаотичность, смятенность пустых слов и мнений.

Не борение света и тьмы, не отвлеченные символы, психологические изыски или мифологемы стоят за этими регистрами, но процессы реальной борьбы «гнусной», «свинцовой» действительности и действительности подлинно человеческой. И, пользуясь словами Б. Шоу о книгах Горького, можно сказать, что они «были книгами расцвета, а не вещанием страшного суда».

Гуманизм в подходе к человеку, историческая и социальная педагогика жизни, умение внимать ее голосу, доверие к природе человека и активное участие авторского «я» в выражении человеческого содержания — таковы некоторые уроки Горького, которые отнюдь не подлежат повторению и прямому воспроизведению, но как живая традиция входят в современный художественный опыт в преображенном виде, оплодотворяя его и развивая сделанное Горьким. И поэтому в наше время сделанное Горьким открывается новыми сторонами. Романтические краски, найденная точно интонационная огласовка мысли, подвижное соотношение слова действующего лица и слова повествователя, образ рассказчика, «проходящего» по русской земле, впечатляющее соединение человеческого настроения с подчеркнуто значимой картиной природы — эти и многие другие проявления поэтики Горького претерпевают трансформацию во времени, в нашем восприятии, в тех унисонных отзвуках, которые они получают в современном творчестве. Они вовлечены в сложный процесс «дальнодействия» между современной писательской практикой и опытом прошлого. Зачастую то, что не бросалось в глаза современникам Горького или последующим исследователям его творчества, постепенно обнаруживается в своей необходимости новому литературному процессу наших дней.

Говоря о дальнодействии сделанного автором трилогии об Алеше Пешкове, невольно вспоминаешь мир, созданный В. Шукшиным, также очень населенный, со множеством персонажей, данных и в больших повествовательных жанрах, и в рассказах, и в малых зарисовках. Герои В. Шукшина — часто неустроенные, неприкаянные, с чудинкой, но острый глаз и сочувствие художника открывают такое в людях, мимо чего легко пройти в жизни. Писатель учит доверию, требовательному, нелегкому, но в конечном счете всегда вознаграждаемому жизнью. Иные какие-то стороны горьковского отношения к человеку отзываются под пером С. Залыгина. Писатель во всем идет своим путем, не всматривается на ходу и не ждет, когда произойдет чудесное раскрытие человеческого в человеке, он сам ставит своих героев в условия, когда начинается это раскрытие человека в скрытых своих потенциях и возможностях, это не рассказывание, но испытание человека на его человеческие качества, однако не стоит ли за этим подходом все тот же постулат — вглядывание в человека?

Наконец, совсем другой стороной отозвался художественный опыт Горького в соединении сказочного, народного и детски невозмутимого, требовательного взгляда на мир у Ч. Айтматова в «Белом пароходе» и «Ранних журавлях», взыскующих об истинном, подлинно ценном в жизни и людях.

Каждый писатель вносит свой вклад в общий опыт литературного развития и посвоему, конечно, подходит к решению, казалось бы, уже решенных проблем, развивая их и двигаясь дальше. Без этого нет творчества.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ВСЕГДА СОВРЕМЕНЕН

ДУМАТЬ о Горьком — значит одновременно представлять образ одного из выдающихся писателей мира и Человека. Принципиальной традицией русской литературы, воплощенной в самой личности и художественной практике Горького, является, на мой взгляд, то, что он утверждает единство и гармонию этих двух понятий как необходимое условие подлинности искусства, главная цель которого, по мысли Толстого, объединять людей.

Совершенно естественно, что именно Горький, великий гуманист, вдохновенный Буревестник революции, «безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства» (В. И. Ленин), явился великим связным между классической русской литературой и новой литературой социалистической эпохи, литературой освобожденного от эксплуатации и социального унижения класса. Свободный человек, способный раскрыть и развернуть свои неисчерпаемые духовные силы, — вот нравственно-философская идея истинного искусства, которая в творчестве Горького обрела новое содержание и качество. **Присутствие** Горького среди нас ощущаешь тем острее, глубже и, я бы сказал, вещественнее, чем со все большей полнотой реализуются в жизни и в литературе его уроки, его планы, его мечты. И прежде всего мечта о совершенном человеке — творце и герое, видящем и осознающем свое призвание в беззаветном служении народу, будущему. **Концепция человека** («Человек — вот правда!»), провозглашенная Горьким на самой заре XX века и вылившаяся сначала в романтический гимн человеку, должна была преодолеть немалые испытания и препятствия, прежде чем стать живой и действенной программой реалистического искусства. Что это — гениальное прозрение? Разумеется! Но оно не могло бы оказать столь потрясающее влияние на людей, на литературу, не опирайся Горький на реальную жизнь, исходи только из абстрактно гуманистического благодушия, призванного снисходительно утешать «ложью», жалостью, созданием некоего иллюзорного чувственного мира. Величие и мощь здесь в том, что Горький, проницательный и беспощадный реалист, страстно искал **новых** людей, органически воплощающих в себе правду революционного сознания, всем своим творчеством утверждал принципы литературы социалистического реализма.

Несомненно и то, что образ Человека, который создавал Горький, продиктован **партийной** позицией писателя, его твердым убеждением в необходимости принципиального переустройства социальных основ жизни, мира, без чего преображение человека осталось бы разве что прекраснодушной сказкой, мифом. Самой логикой своих творческих поисков писатель был подведен к ленинской линии, создав роман «Мать», героями которого стали убежденные революционеры-марксисты и который насквозь пронизан предчувствием грядущей победы пролетариата, хотя поражение революции 1905 года, казалось бы, не располагало к оптимизму. Иными словами, Горький широко раздвинул рамки своего социального зрения, овладел искусством предвидения и предчувствия грядущих исторических перемен. Здесь нужно упомянуть, что еще прежде (в 1901 году) в пьесе «Мещане» Горький стремился нарисовать образ сознательного пролетария Нила, что, несомненно, явилось серьезным художественным открытием в русской литературе.

Подлинная масштабность гуманистических требований и представлений Горького со всей идейной и художественной энергией наиболее полное соответствие нашла в запечатленном им образе В. И. Ленина. Замечательно здесь, что писатель, близко знавший вождя пролетарской революции, раскрыл в его характере, жестах, в манере говорить, заразительно смеяться ту сокровенную и подлинную в высшем смысле человечность, простоту, равную правде, благодаря чему весь облик Ленина, гениального человека, мыслителя и борца, столь понятен и дорог народам всего мира. Рискну утверждать, что именно этот очерк Горького, одна из вершин его творческого наследия, послужил фактическим началом нашей художественной Ленинианы и навсегда останется ориентиром и мерой для всех художников слова, обращающихся к этому великому образу.

Думаю, что горьковская близость и сотрудничество — в широком общественно-культурном плане — с Лениным неотрывны все от той же концепции человека: художник шел одним путем с вождем пролетарской революции, в ком был для него персонифицирован этический идеал... Повторяя эту мысль, заостряя на ней внимание, хочу подчеркнуть, что этот урок среди других уроков Горького мне представляется едва ли не самым главным для каждого советского писателя, всей нашей литературы, верного помощника Коммунистической партии. Выверять свое творчество, свою общественную позицию глубиной и человечностью ленинских идей, принципов, отношением к людям — в этом, я уверен, и залог художественных обретений, направление поиска писателей, стремящихся распознать и запечатлеть черты гармонического человека, строителя и созидателя, о котором мечтал Ленин и которые раскрываются в живом кипении сегодняшних будней. Помочь им окрепнуть, войти в плоть и кровь новых поколений — не в этом ли прежде всего состоит наша профессиональная задача?

«Горький и мы» — тема, которая, не сомневаюсь, приобретает сейчас все большую актуальность и злободневность. Горький — живая традиция нашей литературы — в то же время был поразительным новатором, прокладывающим новые пути в искусстве, распахивающим необозримый горизонт познания и красоты, заключенных в человеческой душе. Говоря о «гордом, радостном пафосе», которым проникается советское искусство, вдохновляемое «достижениями настоящего», и «который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы, создаст необходимое нам новое направление — социалистический реализм...», Горький тем самым непосредственно и активно участвует сегодня в идейно-эстетическом споре о путях развития искусства на стороне правды, будущего. Горьковский опыт учит нас, что новаторский характер социалистического реализма, присущее ему многообразие проявляются и в использовании реалистической условности, и в экспрессивных формах художественного обобщения.

Прослеживая огромный и напряженный, в высшей мере творческий путь Горького, создавшего многие выдающиеся произведения, нельзя не поражаться поистине рембрандтовской мощи такого эпического полотна, как «Жизнь Клима Самгина», которому, убежден, среди самых значительных художественных открытий XX века принадлежит одно из первых мест. Это ли не доказательство торжества метода социалистического реализма, способного дать глубочайшее исследование самых различных пластов жизни, развернуть гигантскую панораму социальных типов и характеров?

Вся современная духовная культура нашего общества теснейшим образом сопряжена с именем Горького. Современность Горького во многом определяется тем, что свою гигантскую творческую энергию он сосредоточил как раз на том направлении, которое является главным и для сегодняшних наследников ленинского дела, — на решении созидательных задач нашей революции, нашего общественного развития, в процессе которого происходит формирование новой человеческой личности. И потому так нужны нам в нашей практике мысли Горького, сформулированные им на I Всесоюзном съезде советских писателей, и та из них, которая утверждает, что «основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда... человека, в свою очередь организующего труд». Именно мера трудовой активности человека была для Горького — и остается таковой для нас — основным показателем его внутреннего совершенства.

Думать о Горьком — значит в полной мере стремиться осознать свою писательскую и человеческую ответственность перед народом, эпохой, будущим.

«МАТЬ». Эту книгу читают во всем мире. (Фрагмент экспозиции в Литературном музее А. М. Горького)

Камиль ЯШЕН

УНИВЕРСИТЕТ МАСТЕРСТВА

МАКСИМ ГОРЬКИЙ. Для всех нас он и великий учитель, и друг, и соратник, и образец служения литературе, человеческому разуму. И нет такого уголка в сегодняшнем мире, на всей планете, где бы его имя, его творчество не были известны или находились в забвении. Мы любим и ценим Максима Горького за его великие творения; за бессмертные образы, созданные им; за великую правду жизни; за то, что он, подобно своему герою Данко, зажег факел всеобъемлющей любви во мраке человеческого невежества, страха и угнетения.

Максим Горький был великим интернационалистом. Он мечтал о мире и счастье для людей всей планеты и неустанно призывал мастеров культуры объединиться в общей борьбе за светлое будущее человечества. Мне как председателю Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки довелось побывать во многих странах мира — в Индии, арабских странах, Анголе. И всюду я видел, с каким огромным интересом относятся к произведениям Горького.

Горьковский путь развития литературы стал столбовой дорогой и для всей узбекской литературы нашего времени. Благодаря Горькому, через посредство великого русского языка, наша литература обогатилась в идейном и тематическом, жанровом отношениях, вышла на широкую арену мировой культуры. Если еще совсем недавно в узбекской литературе преобладали главным образом поэтические формы — рубаи, газели, дастаны, то сегодня у нас получили развитие все жанры, все виды художественных произведений — и большая проза, и драматургия, и литературная критика, и литературоведение. А сам узбекский язык от общения с языками других народов заметно обогатился, стал подлинно народным средством общения людей. Конечно, развитие этого процесса определила прежде всего Великая Октябрьская социалистическая революция. Но немалая заслуга принадлежит здесь и Горькому как основоположнику социалистического реализма. Горьковские произведения «На дне», «Мать», «Жизнь Клима Самгина», «Дело Артамоновых», «Егор Булычов и другие» оказали благотворное влияние на нашу узбекскую литературу.

Произведения М. Горького ежегодно издаются на узбекском языке большими тиражами. И это оказывает огромное культурное воздействие не только на миллионы читателей, но и на писателей, которые с любовью переводят произведения великого мастера на узбекский язык, учатся у него мастерству изображения жизни и человеческих характеров. Я смело могу сказать, что работа над переводами горьковских произведений таких писателей, как Х. Алимджан, Айбек, А. Каххар, Г. Гулям, А. Мухтар, Х. Гулям, плодотворно сказалась на их собственном творчестве, способствовала обогащению всей узбекской литературы. Народный поэт Узбекистана Г. Гулям писал в своей автобиографии: «Самым близким и родным для меня писателем стал А. М. Горький. С любовью перечитывал я его произведения «Мать», «На дне», «Детство»... И учился, постоянно учился у него... Я особенно горжусь тем, что первые узбекские переводы «Песни о Буревестнике» и «Песни о Соколе» принадлежат моему перу».

Особое значение для литератур Средней Азии имел образ женщины, созданный Горьким. Именно Горький проникновенно и мудро, широко и масштабно показал в своих произведениях женщину-мать, раскрыв всю неизмеримую глубину ее священного чувства. Образ Пелагеи Власовой дорог и ценен для нас как символ женщины нового общества. Когда я работал над образами Гульсары, Нурхон и особенно над образом матери революционера Фазылходжи в пьесе «Заря революции», я советовался именно с Горьким, опирался на его опыт.

Под непосредственным влиянием горьковской традиции в современной узбекской советской литературе было создано немало замечательных образов героинь, наших современниц, среди которых особо хочется выделить образ Айкиз в романе Ш. Рашидова «Победители».

Горьковские герои — гуманисты и интернационалисты, борцы за народное счастье, непримиримые в своей вражде ко всякому насилию и эксплуатации, невежеству и мещанству,— близки и понятны современному читателю. И не только потому, что они отображают собой определенную эпоху в развитии человеческого общества, его борьбе за коренные социальные преобразования, но и потому, что стоят у самых истоков того пути, по которому сегодня идет весь советский народ. И борьба, начатая горьковскими героями, еще не закончена. Она ведется и будет вестись до тех пор, пока на земле не восторжествует мир разума и справедливости, не исчезнут угнетение и эксплуатация.

Отдавая сегодня дань памяти великого гуманиста, мы, узбекские писатели, с гордостью говорим: Максим Горький — наш устод. Сорок четыре года тому назад, 11 марта 1934 года, I съезд советских писателей Узбекистана писал Горькому: «Алексей Максимович, каждая Ваша книга для нас, писателей, — университет художественного мастерства, каждое Ваше слово — оружие пролетарской правды, каждый Ваш образ — осязаемый кусочек настоящей живой жизни. Мы, писатели социалистического Узбекистана, даем Вам, Алексей Максимович, наше крепкое слово, что будем упорно и страстно учиться на Вашем примере, работать по-горьковски... Алексей Максимович, мы заверяем Вас, что писатели социалистического Узбекистана приложат все силы, все свое умение, всю свою страстность к тому, чтобы правдиво рассказать всей стране, всему миру о невиданных в истории героических днях нашей великой страны, о ее строителях, о героях наших замечательных дней».

И этому своему слову писатели Узбекистана неукоснительно следуют. Они успешно претворяют в своем творчестве горьковские традиции. И прежде всего — в широком обращении к темам современности, к изображению героя нашего времени — строителя коммунистического общества.